

столь хорошо эти четыре года, что, казалось, так будет всегда. Меня, клянусь, совершенно не интересовало, где я буду работать, как сложится жизнь. И вот что поразительно: ведь эту гуляющую в нас свободу педагоги могли запросто подавить. А они этого не делали. Не знаю, как хватало у них сил, терпения, понимания, что молодость этой свободы требует!? Как удавалось держать дистанцию, позволявшую нам шутить с ними, чувствовать себя легко и не скатываться к панибратству!?

В.Б.Монахов. Мой первый учитель. Человек, который поверил в меня. Может быть, я поступил бы и в другой институт и меня взял бы к себе на курс другой человек, но меня взял он. И благодарен я навсегда ему. Монахов сумел создать единую педагогическую команду: М.Е.Велихова, Н.Н.Афонин, Т.Ф.Сафарова, занимавшаяся вокалом. Мы чувствовали доверие к ним, а несколько раз на репетициях "Лестницы славы" Э.Скриба (ставила М.Велихова) мне даже довелось испытать те минуты счастья, ради которых – теперь я знаю – стоило становиться артистом. Впрочем, тогда на нас большое влияние оказывали и педагоги по другим дисциплинам; лекции, например, читались не "вообще", а целенаправленно – для актеров.

Первое сильнейшее впечатление – Малый театр, само здание, зрительный зал и, конечно, спектакли. Когда в "Горе от ума" на сцену вышел М.Царев и со своей неповторимой интонацией произнес первую реплику Фамусова, я впервые в театре разинул рот. Потом видел его в Училище и даже завидовал тем, к кому он приходил на курс, что-то рассказывал (хотя, думаю, рассказывал он не все). Я понимал, что это – живая история.

Как-то Р.П.Смирнова выгнала меня с занятия по танцу за болтовню, а я обиделся и не пришел на за-

ключительный экзамен. По окончании его Р.П. объявляет от-

метки, я сижу где-то в раздевалке, нервно курю и понимаю, что не получу диплома. Шутка ли: не явился на последний экзамен! Потом ребята мне рассказывали: дойдя до моей фамилии, Р.П. сделала паузу и в гробовой тишине произнесла – «отлично». Конечно, танцевал я хорошо, но как было здорово, что она оказалась выше мелкого конфликта со студентом и всякой формалистики!

Капустники... Это была какая-то параллельная жизнь. «Мастерство актера», все другие предметы и – капустники. Мы проводили ночи в общежитии на Дмитровке, придумывали, репетировали, словом, жили дружно. А один случай был для меня просто потрясением, давшим мне почувствовать, что такое студенческое братство. Как-то на репетиции в Малом театре работавший с нами второй режиссер (его в театре сейчас уже нет) стал кричать на меня. Я встал и пошел к двери. И вдруг услышал, как захлопали крышки откидных стульев (это было в зале Островского) – шлеп-шлеп-шлеп – ребята выходили вслед за мной.

Теперь многие мои сокурсники в разных театрах. Андрей Алексеев – в театре имени Н.В.Гоголя, Виктор Бохон и Лена Манышева – на Таганке у Любимова, Андрей Галушко, Юрий Грубник, Виктор Башинский, Валерий Лиховид – в Ногинске. Игорь Волков, сыгравший Ломоносова в телефильме, остался в кино. А некоторые уже и совсем далеко. Майя Сидорова, в свое время известный диктор на телевидении, – в Америке, Луиза Мосендз, блиставшая в театре Сатиры, – там же.

Мне иногда говорят, что я ошибся в выборе Училища, слишком яде щукинский. Не знаю, в Щукинском я вообще никогда не был, даже позже, в качестве зрителя. К тому же, смею думать, то, что могло мне дать Щукинское, во мне было с самого начала. А Щепкинское заставило заглянуть в себя. Впрочем, так ли уж важно, где человек учился, наверное, в этом есть и элемент случайности. Но я хорошо помню, как вошел в Щепкинское и сразу почувствовал, что это – мое. А потом оно стало моим навсегда.

Экран и сцена. – 1999 – гск.  
Олег Меньшиков (1951) –  
Выпуск 1981 г. с. 9

В свое время, делая спектакль о Нижинском, я искал ощущение полета. Так вот, четыре года в институте – это оно. Ну да, понятно, студенческие годы, молодость, время, когда тебя любят, первые влюбленности, первые разочарования. Но главное воспоминание:

какая-то дурманящая свобода, пока еще до-зволненная безответ-ственность и ... счастье!  
Мне было